

УДК 304.2

Русская культура начала XXI века в ситуации модернизационных процессов

ХРЕНОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по науке Государственного института искусствознания Министерства культуры России
E-mail: nihrenov@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает искусство в широком историко-культурном контексте, обращаясь к трудам Платона, Ф. Ницше, Т. Адорно и других мыслителей. Генезис культуры представляется как процесс наступления утилитаризма и прагматизма на ценности традиционного общества, защитить которые в силах искусство и обновленный гуманитарный дискурс, при поддержке сил политического (властного) характера.

Ключевые слова: государство; искусство; кризис; культура; культурная политика; культурология; модерн; переходный этап; Просвещение; эстетика

The Russian Culture of the Beginning of the XXI Century in a Situation of Modernization Processes

NIKOLAI A. KHRENOV, Ph.D. (Philosophy), Prof, Deputy Director (Science) of the State Institute of Art, Ministry of Culture of Russia
E-mail: nihrenov@mail.ru

Abstract. The author considers art in a wide historical and cultural context, addressing to Platon, F. Nitsche, T. Adorno's works and other thinkers. Genesis of culture is represented to it as process of approach of a utilitarizm and a pragmatism on the value of traditional society, to protect which in forces art and the updated humanitarian discourse, with support of forces of political (imperious) character.

Keywords: crisis; cultural policy; cultural science; culture; education; esthetics, art; modernist style; state; transitional stage.

В последнее время много говорится и пишется о культуре. Это становится «подозрительным». Может быть, мы, наконец-то, пытаемся понять то, чего, кажется, уже не существует? Спихватились, когда предмет наших дискуссий уже исчез? или исчезает? Может быть, мы с этим немного запоздали? Вопрос может показаться странным. В самом деле, разве то, что происходит с русской культурой, дает нам основания для пессимизма? Что же происходит с русской культурой сегодня? Разве нет многочисленных свидетельств о том, какое место она занимает в мире? Разве о русской культуре не знают во всем мире?

В самом деле, сегодня во всех театрах мира играют Чехова, продолжают читать Достоевского,

слушают музыку Рахманинова, смотрят фильмы Тарковского и Сокурова. Во всем мире известны имена Валерия Гергиева и Дениса Мацуева. Да, это так. Мы можем гордиться нашей культурой. Можем гордиться еще и тем, что наши великие художники много потрудились над тем, что называют идентичностью русского человека. Знают за рубежом русских художников, русское искусство — знают и русских людей, Россию. И на основании искусства создают образ русских людей, русского человека. Ведь это именно искусство творит и подерживает нашу идентичность, отвечая на вопрос «Кто мы?».

Сегодня в эпоху глобализации, когда возникает опасность утраты самобытности каждого народа,

многие этот вопрос задают снова и снова. Это имеет основания. Пожалуй, именно этот вопрос сегодня важнее, чем наши обычные вопросы: что делать и кто виноват? И вот уже С. Хантингтон применительно к американцам ставит вопрос «Кто мы?» [1]. Значит, в ситуации глобализационных процессов многое изменяется, и этот вопрос приходится задавать не только нам. Но от того что многие народы сегодня находятся в аналогичной ситуации, нам не легче. На заданный вопрос все-таки следует отвечать.

Кроме всех прочих функций, искусство осуществляет великую миссию — оно создает образ своего народа, даже если сами художники не ставят этой цели сознательно. Предполагается, что реальный человек должен этому идеальному образу соответствовать. Искусство не только создает этот образ, но и его поддерживает, постоянно о нем напоминает, удостоверяет. Творя такой идеальный образ, искусство способствует и идеальному образу человека и солидарности людей.

Потому что, создавая идеальный образ человека, оно тем самым спланирует людей. И здесь можно уже утверждать, что, творя такой идеальный образ народа, искусство одновременно творит и культуру. Но когда культура уже создана, она сама становится активной, направляя наше сознание и определяя наше поведение. Она устанавливает систему запретов. Если хотите, она становится единственно реальной цензурой, хотя эта цензура действует бессознательно. И вот уже, оказывается, даже художники в своей деятельности этим установкам культуры обязаны соответствовать.

Нам необходимо бережно относиться к культуре, так как это наша вторая природа. Это то, что в человеке есть идеального и что нужно постоянно в нем поддерживать и ему об этом напоминать. Культура — это постоянное напряжение, труд, а не развлечение. Это перманентное противостояние разрушительной стихии. К сожалению, то обстоятельство, что культура — институт, смысл функционирования которого заключается в том, чтобы защитить людей от разрушительных процессов и помочь им выжить, все еще не осознается. Смысл культуры постоянно сводится к развлечению.

Но получается что — культура вне нас? В виде учреждений культуры — театров, библиотек, филармоний? Да нет, она прежде всего в каждом из нас. Каждый человек является ее творцом и носителем. Театры и филармонии — это искусство,

а способность воспринимать или не воспринимать то, что они транслируют, это уже культура, наша культура. Каждый несет ответственность за то, в каком она находится состоянии. И если мы ее не культивируем как внутреннюю стихию, если мы не имеем ее в себе, то наши театры и библиотеки будут пусты.

Культура — те основополагающие ценности, которые возникали на протяжении столетий и тысячелетий. Можно выразиться и еще точнее: когда возникли первые принципы нравственности и когда возникли мировые религии. А это время философы называют «осевым» временем.

Нам необходимо создавать такую среду существования, чтобы в ней не переставали появляться чеховы и чайковские, тарковские и гегариевы. А ведь среди тех, кто нас окружает, есть и такие — потенциальные таланты. Но как сделать так, чтобы их творческий потенциал раскрылся? Как сделать так, чтобы постоянно появлялись люди, способные напоминать, кто мы, поддерживать наш идеальный образ? Ведь дарования могут и не реализоваться. И следует сделать так, чтобы они реализовывались не вопреки, как у нас в России нередко бывает, а благодаря содействию всех тех институтов, которые призваны таланты выращивать.

Но необходимо также думать и о том, чтобы в обществе были те, кто способен творчество таких выдающихся людей и понять, и оценить. Это обстоятельство позволяет понять современное состояние культуры. Если людей, способных понимать искусство, не будет, если на творцов нет спроса, то можно ли надеяться, что шедевры появятся?

Глубоко несчастен тот народ, который в силу каких-то причин на определенном этапе своей истории теряет свой идеальный образ, как это сегодня случилось с нами. Возникает сложность при ответе на вопрос «Кто мы?». Может быть, народ устал от перманентного напряжения, сопровождающего всю историю XX в. Но, может быть, этой проблемы вовсе и не существует... Кажется, многие верят, что, наоборот, они только сейчас начинают существовать в идеальном мире. Тем более, что в культуру вторгаются поддерживающие эту иллюзию фантастические технологии, которые мы подчас готовы принять за культуру.

Несмотря на вроде бы весьма благоприятную для нас, представителей России, ситуацию с культурой, известной сейчас во всем мире, мы позволим себе высказать несколько суждений о той

непростой ситуации, в которой культура, в том числе, и наша оказалась.

Некоторые отечественные философы уже утверждают, что, оказывается, культуры уже и в самом деле нет. Она исчезла. Мы существуем в вакууме, образовавшемся в результате исчезновения культуры. Для обозначения этой ситуации найдено даже специальное слово — «посткультура» [2]. Мы существуем в посткультуре. Наши прадеды и деды существовали в культуре, а нам не повезло. Эпоха культуры ушла в прошлое.

Наконец, наши философы в последнее время забили тревогу, постоянно употребляя слово «неоварварство» [3]. Но почему новое варварство? Откуда оно? Разве еще есть на планете нецивилизованные народы, дикари, которые когда-то пришли извне, напали на могущественную Римскую империю и разрушили ее? Выясняется, что неоварварство — это явление внутрицивилизационное. Это в результате ряда резких сдвигов внутри самой цивилизации, современной цивилизации происходит выброс дикости. Того, что культура не успела или не могла переработать, преобразить, изжить. А что это такое? Это очень опасное явление. Ведь на это можно посмотреть как на выход за границы «осевого» времени. Это то, что человечеству с трудом удавалось преодолевать. Это жестокость, это преступность, это каннибализм, это разврат, который сегодня стараются упаковать в красивую обертку и дорого продать. Такой выход — это распечатывание всего того, что, кажется, осталось за пределами истории, в доистории.

Конечно, в каких-то индивидуальных проявлениях этот выброс всегда имел место. Какие-то образцы человека как бы застревали на ранних этапах истории, не развивались и дошли до нашего времени. Культуре, как и религии, не удавалось их до конца преобразить. Тем не менее, человечество, исходя из установок культуры, противостояло варварству как массовому процессу. Оно вызвало к жизни специальные институты, вроде судов и тюрем. Но похоже, что мы сегодня как раз и имеем этот массовый процесс. Уж не начинаем ли мы утрачивать свой идеальный образ? И не началась ли эпоха, которую столетие назад называли эпохой упадка, эпохой декаданса? Может быть, то, что Л. Гумилев называет фазой надлома, является уже реальностью?

Какие же основания имеются для того, чтобы так категорично такой вопрос ставить? Приведем кое-какую статистику. На протяжении всего

XX в. культурному и, прежде всего, архитектурному наследию наносился колоссальный ущерб. Архитектура предшествующих эпох погибала не только в результате военных действий и новой строительной политики. Она целенаправленно разрушалась по идеологическим причинам. Приблизительно 50–70% храмов, монастырей, городской застройки было уничтожено [4, с. 198]. Что касается загородных дворянских усадеб, то там потерь более 90%. Удивительно, как мы еще не превратили все в пустыню. Выясняется, что хоть и способны мы создавать ценности, но совсем не способны их сохранять.

Ну, хорошо, кажется, что все это в прошлом. Но так ли это? Известно, какие острые дискуссии сегодня разгораются вокруг сноса и уничтожения старых зданий. Хищный бизнес наступает «по всем фронтам». Разумеется, везде есть честные и порядочные люди. Они есть и в бизнесе. Но ситуация с памятниками культуры свидетельствует о том, что хищный бизнес все же существует. Его представители жаждут наживы и обогащения. Повсеместно торжествует критерий пользы.

Недавно мне пришлось присутствовать на круглом столе, посвященном покойному директору Института искусствознания А. Комечу, возглавившему в 1990-е гг. движение за сохранение культурного наследия. Пытаясь понять ситуацию, сотрудники музеев постоянно употребляли слово «война». Война с хищным и алчным бизнесом. Всеми правдами и неправдами он отвоевывал территории, на которых находились культурные объекты, художественная ценность которых специалистами из искусствоведческого сообщества высоко оценивалась. По инерции мы продолжаем осуждать старых разрушителей культуры, но давно уже активно действуют новые разрушители. И это тоже пора назвать словом «неоварварство».

Неужели же варварство присуще лишь нам, русским людям? Проблема в том, что пессимистические рассуждения по поводу ситуации в культуре делаются не только по поводу того, что делается в России. Тревогу по поводу исчезновения культуры стали бить и на Западе. Мы не поймем случившееся с нами в XX в., если не введем его в общемировой процесс. Эта универсальная постановка вопроса уже была у нашего замечательного ученого, нашего соотечественника — эмигранта П. Сорокина, который еще в 1950-е годы истекшего столетия выпустил книгу, в которой обосновал идею переходности в истории культуры и показал, что

все катастрофы XX в. объясняются тем, что человечество оказалось в этой продолжительной переходной ситуации. Перехода от того, что утасует, к тому, что пока трудно осознать и чему пока нет названия. Обратим в связи с этим внимание на то, что для П. Сорокина историей оказывается история не государства или общества, не политических и экономических процессов, а культуры, куда входит и государство, и общество. Мы не привыкли так смотреть на историю. Но как это важно — посмотреть на нее именно так. Невозможно не процитировать суждение П. Сорокина, высказанное им во вступлении к своей книге. «Мы, — пишет он, — живем, думаем и действуем в сгущающихся сумерках ночи переходного периода с ее кошмарами, гигантскими разрушениями и душераздирающими ужасами» [5, с. 11].

Слова, которые употребляет П. Сорокин, напоминают аналогичный прогноз другого авторитетного западного мыслителя — Йохана Хейзинги, автора многих философских сочинений о культуре, в том числе трактата «Затемненный мир». Под этим «затемненным миром» философ понимает мир, который пренебрег светом разума и погрузился в ночь варварства. Человек в этом мире испытывает смутный страх перед ближайшим будущим, чувство упадка и заката культуры. И вот его суждение: «Это не просто кошмары, мучающие нас в ночные часы, когда пламя жизни горит слабее всего. Это трезво взвешенные ожидания, основанные на наблюдениях и выводах» [6, с. 9].

Бог с ними, с этими метафорами «ночи» и «тьмы». Вот что серьезно. У западных мыслителей появляется мысль о неоварварстве, которая сегодня подхватывается и нашими современными философами. Может быть, человечество, пройдя длинный путь от того момента, когда возникло осевое время (а оно возникло в эпоху появления мировых религий и христианства), началась история, оставив позади себя многое в доистории, отрекается от возникшей в осевое время культуры с ее религией, нравственностью, искусством и возвращается в доосевое время, в доисторию? Данный смысл переходности П. Сорокин не ставил. Но наше время дает возможность его поставить именно так.

Парадоксально, но не спасают от неоварварства даже фантастические технологии, прогресс техники. Наше время — это время освоения все новых и новых технологий. С некоторых пор — телевидения и Интернета. Но ведь технологии

начали появляться еще в древности. Например, появление письменности. Разве это не революция? Еще какая. У нас от этих революций сплошная эйфория. Как же древние воспринимали технологии? Вот что мы находим у Платона по поводу изобретения письменности. На суждение изобретателя Тевта египетский царь Тамус отреагировал такими словами: «В души научившихся им они (письмена. — Н. Х.) вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память; припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многоснающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для обучения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [7, с. 216].

У Платона говорится о письменности, но разве не похоже сказанное о письменности на то, что мы сегодня можем сказать о том резонансе, который в наше время имеет Интернет? Следовало бы серьезно подумать не только о позитивных, но и о возможных негативных последствиях технологий. Они кажутся частью культуры, самой культурой, а на самом деле часто выводят нас за пределы культуры.

Наблюдая сегодня за тем, как изменилось наше телевидение, когда мы больше узнаем об инопланетянах, чем о нас самих, и меньше о том, что происходит в родном отечестве, понимаешь, что что-то похожее на это погружение, действительно, происходит. Нет, неспособно самое мощное средство коммуникации ответить на вопрос «Кто мы?». Нет, не работает оно на утверждение нашего идеального образа. Когда работникам телевидения предъявляются претензии, они отвечают: наше телевидение таково, каким является общество. Не лучше, не хуже. Но это не ответ. Ответ предполагает, что телевидение — мощный рычаг культуры, а предназначение культуры состоит в том, чтобы поддерживать наш идеальный образ.

* * *

Ф. Ницше, пожалуй, первым разгадал смысл переходности. Он пишет: «Может быть, через сто лет найдется еще сотня людей, которые за это время научатся понимать, что такое культура» [8, с. 223]. Варварство — неизбежный этап в смене исторических циклов. Может быть, человечество, прой-

дя в длительной истории большой цикл, возвращается к исходной точке. Эта идея возвращения в варварство, кстати сказать, в Германии — стране великой культуры и философии, в стране, давшей миру высокие идеи Просвещения, и реализовалась. Обратим внимание на то, что пишет Т. Адорно: «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой — всего лишь мусор... Тот, кто отказывается от культуры, непосредственно приближает наступление эпохи варварства...» [4, с. 327].

Идея о возникновении неоварварства пришла в голову Ф. Ницше еще в XIX в. Прочитав его, поскольку в его суждении улавливается нечто знакомое. Определяя культуру лишь как «тонкую яблочную кожицу поверх пылающего хаоса», Ф. Ницше так представляет процесс деградации. «Интерес к истине... — пишет он, — будет падать: иллюзия, заблуждение, фантастика шаг за шагом завоюют свою прежнюю почву... ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружение в варварство; опять человечество должно будет сызнова начать ткать свою ткань... Но кто поручится, что оно всегда будет находить силы для этого» [9, с. 378].

Эта мысль о варваризации посреди развитых цивилизаций в начале XX в. была подхвачена и развивалась нашим философом Н. Бердяевым. Значит, философия уже в начале XX в. нащупала какую-то значимую опасность нового времени, и ее следовало бы уяснить. Сегодня она, по-прежнему, актуальна. И тут хотелось бы высказать некоторые дискуссионные мысли о причинах осуществления мрачного прогноза. А заодно и соотносить этот прогноз с провозглашенным сегодня лозунгом модернизации. Способна ли модернизация вывести из этого тупика или же она способна также привести в новые тупики? Очень бы хотелось, чтобы модернизационный процесс шел на пользу культуре и не нанес ей вреда. Но такой вред возможен. Несомненно, модернизация — объективный и позитивный процесс, свидетельствующий о способности человека сознательно управлять историческими и социальными процессами, чтобы избегать тупиковых и кризисных ситуаций. На даже она, если ее бездумно начать реализовывать, способна нанести культуре вред.

Модернизация, связанная с неприятием традиционных технологий и с культивированием инноваций, имеет свою историю. Ее истоком, пожалуй, является XVIII в., эпоха Просвещения и особенно

возникшие в эту эпоху философские идеи, ставшие основой последовавших затем революционных преобразований. (Сначала в обществе, а затем в искусстве, когда авангард занял радикальную позицию по отношению к прошлому, истории, традиции.) Эту эпоху немецкий философ Юрген Хабермас называет эпохой модерна [10]. Рассматривать современный процесс модернизации без этой исходной точки — модерна невозможно. Модернизация в ее наиболее последовательной и проявленной форме осуществлялась прежде всего на Западе. Западная культура — самая динамичная в мире культура. И ментальность западных народов в какой-то степени соответствовала и культивированию динамики, и ритмам модернизации. Неслучайно западные народы считают себя продолжателями античной цивилизации. Ведь западный человек относится к миру как к хаосу, а к себе как к борцу, способному этот хаос преодолеть. Эта психология возникла в античности, и это обстоятельство развело античность с восточным миром, в котором отношение к миру не было связано с хаосом. На Западе не вникли в предостережение Лао-цзы о том, что, начав действовать, чтобы преодолеть хаос, человек способен внести в этот мир еще больший хаос. Результаты нашей революции 1917 г. могут служить яркой иллюстрацией этой мудрой мысли. Не столько даже революция 1917 г., сколько коллективизация — одна из самых драматических страниц нашей истории, так как здесь столкнулись очень сильные в России традиционные ценности и ритмы модернизации. По сути, в результате политической модернизации деревня как хранительница традиционных ценностей была уничтожена. Вместе с ней мы лишились мощного пласта традиционной культуры. Последствия этого сказываются и сегодня, и еще долго будут сказываться в будущей истории, если эта история, конечно, будет иметь продолжение.

Вообще, если углубиться в русскую историю, то она эту идею Лао-цзы способна проиллюстрировать. России присуще особое чувство и истории, и исторического времени. Она часто срывается, существует то во времени Востока, то в модернизационных ритмах западной истории. Поэтому ее история состоит из чередования оттепели и заморозков. Вот эта логика российской истории: эпоха Александра I — оттепель, эпоха Николая II — оттепель, эпоха Хрущева — оттепель, эпоха Горбачева — новая оттепель. Несмотря на то что в России резонанс романтизма как альтернативы модерна

был значителен (и об этом свидетельствует популярность славянофильских настроений), в России действие идеи модерна оказалось сильнее. Поэтому и последствия модернизации здесь драматичней. Думается, что идея модернизации, раз уж Россия пошла по западному пути и оказалась восприимчивой к идеям модерна, была, в общем, верная. Но вот ее реализация оказалась варварской и разрушительной. Потому что она развертывалась в другой культуре, и специфические ритмы этой культуры не принимались в расчет.

Обратимся к Западу. Поскольку модернизация явилась для западных народов явлением необходимым (а, с другой стороны, разрушительным — для нравственности, религии и культуры в целом), и ее невозможно было блокировать, то как же на нее реагировали западные народы? Они, правда, давно уже успели пережить эти процессы. Но неужели же у них по этому поводу был сплошной оптимизм? Ощущали ли умы Запада неоднозначные последствия модернизации? Возвращение к истокам модернизации может в нашей сегодняшней ситуации многое объяснить.

Первыми критиками идей Просвещения явились романтики. Их возмутил радикализм, футуризм и рационализм просветителей. Этот конфликт между романтиками и просветителями проявился в отношении тех и других к Средневековью. Просветители не поняли Средневековье и хотели в соответствии с вызванным ими к жизни принципом прогресса от его наследия поскорее освободиться. Романтики поняли Средневековье как традиционное наследие, которым ни в коем случае нельзя жертвовать. Они выступили в защиту ценностей, что были созданы в границах предшествующих эпох — фундамента любой культуры.

Но осознание разрушительности идей просветителей нельзя связывать лишь с романтиками. А что же мыслители эпохи Просвещения как исходной точки модерна — разве они не задумывались над последствиями выпущенного ими джинна модернизации? Еще как задумывались. Разве можно считать случайностью, что в самом конце XVIII в. И. Кант посвятил одну из своих поздних работ эстетике. Мало кто задумывался над тем, почему на Западе вдруг занялись эстетикой. Почему появилась целая новая наука. Ведь если появляется в какой-то период новая наука, то это о чем-то говорит? Она возникает как реакция на потребность общества разрешить какое-то противоречие. (Обращение к эстетической проблематике было

неожиданным даже для самого Канта.) Казалось бы, зачем была нужна эстетика — наука о прекрасном? Ведь она бесполезна.

Западный опыт свидетельствует: эта наука возникла из необходимости противостоять императиву модернизации в ее крайних формах. Появление эстетики было спровоцировано распространяющимся культом пользы. Вот подлинное объяснение того, почему она появилась. Она появилась, чтобы эта модернизация не уничтожила человека, не превратила его в функциональное существо. Пора этой дисциплине дать толкование, соответствующее времени первоначального накопления капитала. А точнее, времени общества потребления, которое сейчас в России успешно себя утверждает. Нужно увидеть эстетику с той точки зрения, которая сегодня для нас весьма актуальна.

Эстетика как особая дисциплина, а точнее, сфера возникла как реакция на процессы, спровоцированные распространением протестантской этики и утверждением предпринимательского взгляда на мир. А этот взгляд, как мы все сегодня чувствуем, наблюдая восхождение креативного среднего класса, весьма и весьма утилитарный, если не сказать циничный. Будучи вызванным к жизни, этот дух отливается в специфические формы, которые становятся самоценными. Для предпринимателя нет никаких ценностей, кроме выгоды и пользы.

Не все с этим согласятся. Можно приводить примеры того, как бизнес способен поддерживать культуру. Скажем, примеры из Серебряного века. Ведь были среди предпринимателей, то есть нашего купечества, меценаты. Разве они не способствовали развитию искусства? С. Морозов выстроил специальный павильон для панно М. Врубеля, когда его шедевр забрала администрация Нижегородской выставки. Да, был С. Мамонов, были П. Третьяков и Я. Шукин. Но их было мало. И, кстати, современники называли их «чужаками».

У западного исследователя В. Зомбарта есть книга по истории духовного развития современного экономического человека. Там есть очень интересные соображения психологического плана по поводу возникновения в истории предпринимательского духа в западном варианте. В частности, обращают на себя внимание два слагаемых этого духа. Первое — это собственно предпринимательский дух, связанный со страстью к приключениям, к изобретательности, с жадностью денег и т. д. [11, с. 19] Среди первоначальных носителей предпринимательского духа были разбойники.

Второе слагаемое этого духа — дух мещанский, т. е. склонность к счету и осмотрительности, благоразумию и хозяйственности, бережливости, пренебрежению к праздности, к культуре собственности. Когда В. Зомбарт пишет о мещанине, то он имеет в виду не сословие, а психологический тип, состояние души. Он говорит: в каждом предпринимателе сидит мещанин.

В России превосходный портрет мещанина дал А. Герцен. Правда, он имел в виду западного мещанина, надеясь, что Россия не является мещанской страной. Эту мысль позднее подхватит Н. Бердяев. Но возникают большие сомнения, что это именно так. Тезис о том, что Россия мещанской страной не является, — всего лишь миф. И сегодняшняя Россия эту мысль подтверждает. Да, собственно, подтверждал и рубеж XIX–XX вв., когда «новые русские» уже приходили. Ведь есть же у М. Горького пьеса «Мещане», по которой Г. Товстоногов поставил один из лучших своих спектаклей. В нем превосходно был воспроизведен портрет русского мещанина — человека с узким кругозором и страстью к накопительству. Странно, что в те годы эта пьеса вызывала интерес. Ее следовало бы ставить сегодня. Сегодня ставят только его другую пьесу «Дети солнца». И, кстати, это тоже актуально. Она о судьбе интеллигенции, о судьбе нашей творческой элиты.

А. Герцен по поводу мещанина пишет следующее: «В мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное — товар, дело, вещь, главное — собственность» [12, с. 391]. А. Герцен также говорит о евангелии мещанства: «Наживайся, умножай свой доход, как песок морской, пользуйся и злоупотребляй своим денежным и нравственным капиталом, не разоряясь, и ты сыто и почетно достигнешь долголетия, женишь своих детей и оставишь по себе хорошую память» [12, с. 391]. А еще точнее и современной: приобретешь за границей особняк, выучишь там же в университетах своих детей. А потом? А потом, может быть, не покончишь самоубийством, но можешь и покончить, если, конечно, осознаешь, в каком духовном тупике ты оказался и куда завел целую страну. А может быть, это осознание тебя не посетит, и оно появится позднее лишь у твоих детей, внуков, в другом поколении.

Думается, что такая психология сегодня становится мировоззрением целого социального слоя, так называемого креативного класса. А что если государство тоже возьмет на вооружение

эту мировоззренческую установку? Ведь там, где деньги, там и власть. И если государство станет проводить политику, предполагающую извлечение выгоды и пользы, в том числе из культуры, из искусства, тогда уж точно варвар появится. Этому будет способствовать меркантильное государство. Пока наше государство такую политику не проводит. Но и четкости в его действиях тоже не наблюдается. Некоторые предпринимаемые властью решения свидетельствуют, что она как бы постепенно дрейфует в эту сторону. Об этом свидетельствуют, например, реформы в образовании, связанные с платным образованием. Без пользы на этом свете уже ничего не воспринимается?

Так вот, у нашего государства есть выбор: или оно пойдет на поводу предпринимательского духа, или же оно будет этот дух сдерживать и направлять в гуманное русло. В зависимости от того, какую сторону примет государство, сформируется и его культурная политика. Нет абстрактной государственной политики. Если придерживаться ее «меркантильной» доктрины, следовательно, нужно закрыть театр, получающий от государства дотацию, и заняться коммерческой антрепризой. И это сегодня происходит. Нужно сохранять кинотеатры, но демонстрировать в них исключительно боевики. И тогда многие шедевры станут просто недоступными. Такая «государственная политика» у нас утвердилась уже давно. А это означает, что шедевры даже уже есть, а смотреть их некому, поскольку утрачена некогда утвердившая себя форма коллективного просмотра фильма. Контакт со зрителем отсутствует. Отечественные фильмы некому смотреть. Скажем, много ли людей в России посмотрело фильм А. Сокурова «Фауст»? Очень мало. Его непросто понять, а ведь используя образы из культуры Запада, режиссер пытается осмыслить и самые болезненные ситуации нашей истории. Но если нет в таких фильмах потребности, то шедевры появиться не могут. Современное отечественное кино работает вхолостую. Оно не осуществляет своей прямой миссии — не создает идеальный образ народа и не способствует сплочению, солидарности людей. Сегодня каждый сам за себя, но в особенности за свою собственность. Кризис — это слово сегодня звучит повсеместно.

Как сообщили сотрудники музеев на упомянутом мною выше круглом столе, среди бизнесменов люди, утверждающие, что Москва — идеальная площадка для бизнеса. Они говорят, что если

кто-либо из москвичей не имеет возможности зарабатывать пять тысяч долларов в месяц, то его нужно переселять за пределы МКАДа. Вот последовательный и утилитарный взгляд предпринимателя-рационалиста. Вот свидетельство того, что наш бизнес преследует лишь собственные цели. С точки зрения такого бизнесмена, все это логично и рационально. Ну, а почему бы всю Россию не превратить в площадку для бизнеса? А население России переселить хотя бы на Марс. Как это по нашему. Если уж революция, то с потоками крови и террором, если уж социализм в одной стране, то непременно с концлагерями, если уж бизнес, то без стыда и совести.

Спрашивается, что этому может противостоять? Противостоять этому способна только гуманитарная сфера, включающая в себя и науки, отслеживающие место и самочувствие человека в этом мире, который легко завести в тупики. Миссия этих наук — своевременно подавать обществу сигналы о неблагополучии. Не нужно требовать от гуманитарной сферы, чтобы она сама себя продавала и извлекала из этого выгоду. Ведь в этом случае общество не может своевременно получать сигналы о возникающих в нем опасностях, которые следует преодолевать. Гуманитарные науки — значимое средство выживания человечества, утверждения такого образа жизни, в котором человек является субъектом, а не объектом. Когда в этом не отдают отчета, то это, конечно, катастрофа. Таким идеологам хочется посоветовать хотя бы вчитаться в Лао-цзы: «Не делай того, если ты не уверен в положительном исходе дела. Не вноси в мир еще больше хаоса».

Мы выступаем не против предпринимательского духа, но лишь против перехлестов, против гипертрофии этого духа, что приводит к противоречию между культурой и цивилизацией. Когда-то культура и цивилизация были синонимами. Но уже Ж. — Ж. Руссо ощущал, что это не так и занял по отношению к цивилизации критическую позицию. Видимо, об этом успели забыть.

Именно тогда, вместе с проблематикой эстетики в истории и возникла идея культуры как второй природы человека. Идея эстетики уже и была идеей культуры. Пока специальной науки о культуре не было, эстетика стала первым шагом в возникновении такой науки. Культурологическая мысль впервые появилась в эстетической рефлексии. Жаль, что В. Межуев в своей книге «Идея культуры» этого вопроса не касается [13].

Именно поэтому и государство, и общество обязаны поддерживать искусство. Это мощное средство противостояния распространяющемуся утилитаризму. Финансирование государством искусства никогда не может быть чрезмерным. Финансируя искусство, мы предохраняем себя от неоварварства. Раз уж современная цивилизация без утилитарного духа существовать не может, то нужно хотя бы минимизировать его негативные последствия.

* * *

Во второй половине XX в. немецкий философ Ю. Хабермас дал новое обозначение той системе идей, которая возникла в лоне Просвещения. Вся эпоха распространяющейся модернизации, начиная с XVIII в., им называлась модерном. Он великомерно проанализировал негативные последствия модерна, а в качестве иллюстрации таких последствий он называет тоталитарные режимы, которые вообще пытались дух игры из культуры исключить. Самым уязвимым местом модерна было то, что он свел идею модернизации к политике. Общества в ходе последующих революций разрушались и обновлялись. Но вместе с ними разрушалась и культура. Это был неосознаваемый процесс. Культура еще не была открыта. С ней и не считались.

Но осознание ее значимости по мере модернизации обществ постепенно нарастало. И чем более интенсивными становились процессы модернизации, тем неустрашимей становился процесс осознания того, что такое культура, так как только культура является гарантией того, что модернизация как объективный процесс истории не превратит окончательно человека в объект. Следовательно (тут определим основополагающую функцию культуры), культура способна предохранять нас от пережестов модернизации. И только она сможет обеспечить выживание человечества в ситуации нарастающего прогресса цивилизации. В ней наше спасение.

Мы только сегодня, а следовательно, с большим запозданием можем осмыслить, что же в реальной истории произошло. Осознание культуры произошло как реакция на ее разрушение в процессе утверждения модерна. Нужно вдуматься в эту логику. Ведь нельзя утверждать, что модерн — исключительно негативный процесс. Наоборот, с ним связан прогресс в эволюции политических систем и цивилизационный прогресс вообще. Но

нельзя к этому процессу подходить с априорно оптимистической оценкой. Ведь он спровоцировал и много негативных последствий. Обновляя общество и предавая забвению культуру, человечество рубило сук, на котором держалось тысячелетия, во всяком случае, в пространстве «осевого» времени.

Продолжая существовать в ритмах модернизации и погружаясь в новый виток модернизации, мы должны быть борцами, способными отстоять права культуры и права гуманитарной сферы. У естественных наук одни функции, у гуманитарных другие. Необходимо углубляться и в потенциал гуманитарных наук. Представители гуманитарных наук сегодня, как никогда, обязаны осознать свою миссию. Исчезнет культура, никому не нужны будут все эти многочисленные предметы потребления, которыми нас пленила цивилизация.

Не остались бы от наших городов лишь площадки для бизнеса.

Литература

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., ООО Изд-во АСТ: ООО «Транзиткнига», 2004. — 635 с.
2. Бычков В. Художественный Апокалипсис культуры. Строматы XX века. Кн. 1–2. — М.: Культурная революция, 2008. — 816 с.; 832 с.
3. Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. — М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 480 с.
4. Адорно Т. Негативная диалектика. — М.: Научный мир, 2003. — 374 с.
5. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. — СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт (РХГИ), 2000. — 1056 с.
6. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. — 456 с.
7. Платон. Сочинения: в 3 т. — Т. 2. — М., 1970.
8. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — Т. 1. — М., 1990.
9. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. — СПб., 2004. — 632 с.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. — 416 с.
11. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. — М.: Наука, 1994. — 444 с.
12. Герцен А. Полное собрание сочинений и писем. — Т. XIII. — М., 1959.
13. Межуев В. Идея культуры. Очерки по философии культуры. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — 408 с.